

Глаголев С. С. *Астрономия и богословие*: [Рец. на: *Astronomie et Théologie par Le K. P. Th. Ortolan. Paris, 1894*] // *Богословский вестник* 1897. Т. 3. № 9. С. 311–342 (2-я пагин.). (Начало.)

АСТРОНОМІЯ И БОГОСЛОВІЕ.

*Astronomie et Théologie par Le
K. P. Th. Ortolan. Paris. 1894. p. p.
I—XII+434.*

Астрономія и Богословіе въ настоящее время развиваются и разрабатываются независимо и самостоятельно, астрономы и богословы не вступают между собою въ споры и пререканія, первые учатъ, какъ идетъ небо, вторые— какъ идти къ небу, но слово „небо“ тѣ и другіе употребляютъ въ различныхъ смыслахъ и между ними по поводу этого не возникаетъ никакихъ недоразумѣній. Вотъ, почему отъ сопоставленія понятій „Астрономія“ и „Богословіе“ вѣдетъ чѣмъ-то далекимъ и прошлымъ. Мысль переносится въ XVI вѣкъ, когда скромный каноникъ изъ Торна выступилъ съ смѣлой гипотезой, что не земля, а солнце находится въ центрѣ міра и что первая движется вокругъ своей оси и вокругъ второго. Безсмертная книга, содержащая эти гипотезы, была проклята священной конгрегацией и въ XVII столѣтіи внесена въ index. Новыя идеи должны были вести долгую борьбу за существованіе. Почти столѣтіе спустя послѣ смерти Коперника мы видимъ Галилея предъ судомъ инквизиціи въ Римѣ, обвиняемаго въ томъ, что онъ слѣдуетъ ученію каноника изъ Торна. Этотъ судъ живо напоминаетъ судъ надъ Сократомъ съ тою разницею, что аѳинскій философъ велъ себя гораздо мужественнѣе падуанскаго профессора. Но послѣ Галилея преслѣдованіе новыхъ астрономическихъ воззрѣній католическою церковью становится слабѣе и слабѣе. Мало по малу утверждается мысль, что эти воззрѣнія не противорѣчатъ Библии и не заключаютъ въ себѣ ничего безбожнаго и враж-

дебнаго религіи. Астрономовъ навсегда оставляютъ въ покоѣ.

Но на самомъ дѣлѣ было бы ошибочнымъ думать, что послѣ этого столкновеніе между астрономіей и богословіемъ прекратилось. Западные богословы въ XVI и XVII столѣтіяхъ такъ усердно настаивали на томъ, что Библия учитъ о неподвижности земли и вращеніи солнца, что когда восторжествовало ученіе о движеніи земли, у многихъ составилось убѣжденіе, что Библия стоитъ въ несогласіи съ этимъ ученіемъ. Въ этомъ пожелали увидѣть одинъ изъ важныхъ аргументовъ противъ признанія Библии богодухновенною. Такой взглядъ существуетъ и понынѣ. Отсюда слѣдуетъ, что и понынѣ вопросъ о взаимоотношеніи Библии и астрономіи нельзя считать устарѣлымъ и празднымъ. Прежде отрицали астрономическія теоріи во имя Библии, теперь во имя этихъ теорій отрицаютъ Библию, прежде нападали на астрономовъ, теперь на богослововъ. Прежде астрономы принуждены были разъяснять, что обвиненія ихъ въ безбожіи и невѣріи неосновательны, теперь богословамъ приходится разъяснять, что обвиненія Библии въ ошибкахъ и заблужденіяхъ есть результатъ незнанія и непониманія Библии.

Имѣя въ виду эту дѣль, католическій богословскій факультетъ въ Парижѣ предложилъ на соисканіе преміи Гюйгенса слѣдующую тему:

„Исходя изъ того факта, что въ ту эпоху, когда христіанское богословіе формулировало свое вѣроученіе, безраздѣльно царили ошибочныя космологическія представленія, 1) изучить вліяніе, которое имѣла геоцентрическая космологія (ученіе, представлявшее землю центромъ міра) на способъ пониманія христіанскихъ догматовъ, именно догмата искупленія и доктринъ эсхатологическихъ; 2) изслѣдовать взаимоотношеніе этихъ догматовъ съ научными представленіями о вселенной: отношенія догмата объ искупленіи человѣка къ ученію о малости земли, къ гипотезамъ о многочисленности обитаемыхъ міровъ, отношенія христіанскаго ученія о небѣ, адѣ, концѣ міра, воскресеніи къ новымъ космологическимъ теоріямъ“.

На соисканіе преміи было представлено восемнадцать мемуаровъ, увѣнчана премією была работа Ортолана, кото-

рая затѣмъ и была издана особою книгою, заглавіе которой выписано нами. Книга эта поднимаетъ много интересныхъ вопросовъ, и мы думаемъ, что изложеніе и разборъ ея на русскомъ языкѣ могутъ быть не лишними и полезными.

Книга начинается извлеченіемъ изъ доклада Гульста парижскому богословскому факультету о работѣ Ортолана, какъ вполне заслуживающей преміи Гюйгенса и вполне отвѣчающей той цѣли, для которой учреждена эта премія. За докладомъ слѣдуетъ короткое предисловіе автора. Онъ говоритъ, что онъ не обольщается мыслию, что этою книгою онъ даетъ произведеніе совершенное. „Мы слишкомъ хорошо сознаемъ слабость своихъ силъ; заканчиваетъ онъ предисловіе, чтобы обольщаться подобною иллюзіей, и мы примемъ съ благодарностію всѣ замѣчанія, которыя намъ пожелаютъ сдѣлать. Наша единственная цѣль быть, насколько мы можемъ, полезными тѣмъ, вѣру которыхъ смущаютъ псевдо-научныя теоріи новѣйшаго нечестія. Мы сочли бы себя вполне вознагражденными за наши труды, еслибы намъ удалось нашею книгою заропить хотя какой-либо лучъ свѣта въ душу тѣхъ, которые искренно ищутъ истины“. За предисловіемъ слѣдуетъ обширное введеніе. Авторъ говоритъ въ немъ объ идеальныхъ отношеніяхъ астрономіи и богословія. По его мнѣнію, изъ всѣхъ наукъ естественныхъ астрономія даетъ намъ наилучшее знаніе о мірѣ, человѣкѣ и Богѣ. Давъ историческое обозрѣніе развитія астрономіи, онъ приходитъ къ выводу, что астрономія, совершенствуясь и совершенствуясь, даетъ намъ наилучшее доказательство существованія личнаго, свободнаго и безконечно-премудраго Бога. Но это, такъ сказать, астрономія идеальная. Обращаясь къ прошедшей и настоящей дѣйствительности, авторъ видитъ себя принужденнымъ отмѣтить, что и невѣріе опирается, между прочимъ, на астрономію, и что исторія астрономіи знаетъ такой печальный фактъ, какъ процессъ Галилея. Авторъ, какъ католикъ, оправдываетъ обвинителей Галилея. Для гипотезы, которая теперь стала общепринятымъ ученіемъ, Галилей въ свое время представилъ слишкомъ недостаточные аргументы. Теорія Тихо де Браге такъ же хорошо объясняла астрономическія явленія, какъ и его. Но Галилей имѣлъ еще смѣлость пред-

ложить свой экзегезисъ Священнаго Писанія, чѣмъ возмутилъ противъ себя конгрегацию. За всѣмъ тѣмъ Ортолану приходится признать, что кардиналы осудили не только Галилея, но и ученіе Коперника. Онъ не колеблется признать этотъ судъ несправедливымъ. Но неправильный приговоръ римскаго трибунала, говоритъ онъ, не ведетъ къ признанію, что церковь можетъ ошибаться. „Этотъ приговоръ не опирался ни на мнѣніе вселенскаго собора, ни на опредѣленіе верховнаго первосвященника, сказанное *ex cathedra*. Ошибка принадлежала конгрегациі кардиналовъ, авторитетъ которой, конечно, весьма почтененъ, но которая никогда не претендовала на непогрѣшимость—преимущество, принадлежащее лично папѣ и не сообщаемое никому другому“ (р. 47).

Самое изслѣдованіе Ортолана распадается на двѣ части. Въ первой, состоящей изъ четырехъ главъ, онъ прежде всего выясняетъ авторитетъ Священнаго Писанія въ вопросахъ научныхъ, методъ, которымъ нужно руководиться при толкованіи Писанія, говоритъ объ учености Моисея и о томъ, какъ на самомъ дѣлѣ нужно понимать написанное имъ о землѣ и ея происхожденіи. Далѣе онъ излагаетъ космологическія воззрѣнія древнихъ отцовъ церкви. По его утвержденію они признавали, что земля имѣетъ видъ сферы и что она изолирована въ пространствѣ. На правильность ихъ эсхатологическихъ воззрѣній ошибочныя геоцентрическія представленія не имѣли вліянія. Продолжателями отцовъ явились ученые богословы, но они, сознается Ортоланъ, не имѣли той осторожности въ сужденіяхъ, которою руководились святые отцы. Ортоланъ удивляется учености схоластиковъ, восхищается ихъ трудами въ области метафизики, но ему приходится констатировать, что вслѣдствіе того, что они почти совсѣмъ изгнали при изслѣдованіи природы методъ и наблюденіе и вмѣсто нихъ подставили аргументы *a priori*, они пришли ко многимъ ложнымъ заключеніямъ. Только величайшіе изъ схоластиковъ (Ортоланъ называетъ Ѳому Аквинскаго) избѣжали крайностей въ этомъ направленіи. Послѣднюю главу первой части Ортоланъ посвящаетъ изслѣдованію того вліянія, которое произвела геоцентрическая космологія на произведенія эпическихъ христіанскихъ поэтовъ. Наиболѣе это вліяніе даетъ

себя чувствовать въ „Божественной комедіи“ Данта, котораго Ортоланъ вслѣдъ за Вильменомъ называетъ Гомеромъ католицизма. Птолемеевская космологія всецѣло руководитъ Дантомъ въ его описанія ада, чистилища и рая. Ученіемъ Птолемея руководился и Тассъ въ своей поэмѣ „Освобожденный Іерусалимъ“. Мильтонъ жилъ и писалъ свой „Потерянный и возвращенный рай“ въ переходную эпоху астрономіи онъ не повторяетъ всѣхъ заблужденій Данта, но не воспринялъ еще и всѣхъ новыхъ истинъ. Какъ бы продолженіемъ Мильтоновой поэмы является „Мессіада“ Клопштока. Клопштокъ жилъ уже въ эпоху господства новыхъ идей, и Ортоланъ обращаетъ вниманіе на то, что Клопштокъ былъ первымъ, который взглянулъ на догматъ искупленія съ точки зрѣнія ученія о многочисленности обитаемыхъ міровъ (пѣснь V). Свое разсужденіе о поэтахъ Ортоланъ кончаетъ замѣчаніями о „геніи христіанства“ Шатобріана. По Шатобріану, въ истинной религіи поэзія можетъ черпать для себя несравненно больше матеріала, чѣмъ въ религіяхъ языческихъ. И Ортоланъ обращаетъ вниманіе, что новая астрономія помогла Клопштоку и Шатобріану рисовать болѣе величественныя религіозныя картины, чѣмъ какія далъ Дантъ, хотя сила соображенія послѣдняго неизмѣримо превосходитъ силу первыхъ.

Во второй части Ортоланъ изслѣдуетъ взаимоотношеніе христіанскихъ догматовъ и новаго пониманія вселенной. Прежде всего онъ разбираетъ гипотезу многочисленности обитаемыхъ міровъ. Онъ показываетъ, что дѣйствительная наука доселѣ не открыла ни одного міра, который необходимо должно бы было признать обитаемымъ, но что относительно многихъ міровъ она доказала, что они не могутъ быть обитаемы, такъ какъ не удовлетворяютъ условіямъ, которыя необходимы для поддержанія жизни. Священное Писаніе, по мнѣнію Ортолана, равно какъ и отцы церкви болѣе учатъ, что число обитателей земли весьма ничтожно по сравненію съ числомъ всѣхъ разумныхъ существъ, чѣмъ отрицаютъ населенность міровъ, существующихъ въ небесномъ пространствѣ. Но почему, если существуетъ много обитаемыхъ міровъ, Спаситель воплотился на землѣ и не связаны ли какою либо нравственною связью обитатели различныхъ міровъ между собою подобно тому, какъ міры

связаны притяженіемъ? Ортоланъ пытается дать отвѣтъ и на эти вопросы. Последнюю главу (третью) онъ посвящаетъ разсужденію о физическомъ мірѣ и эсхатологическихъ доктринахъ. Сначала разсматриваетъ ученія о концѣ міра авторовъ враждебныхъ церкви—Жана Рейнара, Луи Фигье и Камилля Фламмаріона, затѣмъ эсхатологическія воззрѣнія католическихъ авторовъ — Грагри, Шабати и Делестра и наконецъ устанавливаетъ свой тезисъ: *omnia propter electos*. Свою книгу Ортоланъ заканчиваетъ заключеніемъ, въ которомъ выражаетъ сильнѣйшее желаніе, чтобы невѣрующіе обратились къ Богу.

Не все въ книгѣ Ортолана представляетъ одинаковый интересъ съ православно-апологетической точки зрѣнія. Заблужденія схоластиковъ, вліяніе космологическихъ представлений на поэтическія произведенія, все это—интересное само по себѣ и важное во многихъ отношеніяхъ—мало касается вопроса о взаимоотношеніяхъ дѣйствительныхъ и идеальныхъ—астрономіи и богословія. Мы передадимъ изъ книги Ортолана содержаніе лишь того, что имѣетъ прямое отношеніе къ этому вопросу и затѣмъ постараемся произвести оцѣнку его сужденій. Въ его книгѣ содержится много цѣннаго и недаромъ парижскій богословскій факультетъ присудилъ за нее премію, но многія утвержденія книги намъ представляются сомнительными и даже прямо не вѣрными. Начнемъ съ изложенія книги.

I.

Вліяніе геоцентрической космологіи на толкованіе Библіи и на ученіе св. отцовъ и учителей церкви.

Богъ, призывающій къ себѣ человѣчество, не учитъ людей наукамъ о мірѣ. Онъ „вложилъ міръ въ сердце ихъ“—*mundum tradidit disputationi eorum* (Ekkл. III, II). Единственная цѣль откровеній, которыя сообщались Моисею и другимъ священнымъ писателямъ, облегчить намъ дорогу къ небу, Богъ желаетъ сдѣлать насъ святыми, а не учеными. Знаніе истинъ физическихъ необходимо для достиженія спасенія, знаніе души несравненно болѣе важно. Но исторія учитъ насъ, что человѣчество, предоставленное собственнымъ силамъ,—обыкновенно игнорировало то, что для него было

наиболѣе важно. Между тѣмъ нужно, чтобы всѣ люди— великіе и малые, богатые и бѣдные— могли легко узнавать истину о своемъ происхожденіи, назначеніи и о средствахъ для достиженія той цѣли, для которой Создатель поселилъ ихъ на землѣ. Всѣ эти истины Богъ возвѣстилъ людямъ въ откровеніи. Но если такова цѣль откровенія, то, очевидно, очень рискованно на основаніи его построить астрономическую систему или искать въ немъ рѣшенія научныхъ вопросовъ. По поводу такого взгляда невѣрующіе ученые замѣчаютъ, что онъ представляетъ собою уступку новой наукѣ, что до XIX столѣтія христіанскіе апологеты не говорили такимъ языкомъ и что они говорятъ теперь такъ, потому что боятся борьбы съ наукою— борьбы, изъ которой не рассчитываютъ выйти побѣдителями. Но такое утвержденіе ученыхъ и невѣрно и неосновательно. Оно невѣрно: уже въ половинѣ XII столѣтія Петръ Ломбардъ — *magister sententiarum* — говорилъ, что откровеніе не имѣетъ цѣлю дать человѣку знаніе вещей естественныхъ, но дать ему знаніе о душѣ, которое онъ потерялъ вслѣдствіи грѣха (11 *Distinct.* 23. *In scriptura divina de huius modi non eruditur (homo), sed de scientia animae quam peccando amisit*). Подобное же высказывалъ въ XIII столѣтіи Тома Аквинскій, когда указывалъ на опасность, являющуюся при обращеніи къ Священному Писанію за рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ (1 *q.* 70, *Art.* 1, *ad.* 3). Это утвержденіе и неосновательно: научныя возраженія, направлявшіяся противъ Библии, или рѣшены въ благопріятномъ для Библии смыслѣ, или ждуть своего рѣшенія, нисколько не заключая въ себѣ сокрушающей силы. Опытъ показываетъ, что чѣмъ болѣе развивается наука, тѣмъ яснѣе выступаютъ величіе и истинность библейскихъ повѣствованій.

Несомнѣнно, что, возвѣщая главнымъ образомъ истины сверхъестественныя, Библия говоритъ и объ истинахъ естественныхъ и то, что она говоритъ о нихъ, несомнѣнно истинно. Эти истины, по выраженію богослововъ, являются случайно откровенными (*revelata per accidens et propter alia*), но онѣ — истины и не могутъ стоять въ противорѣчій съ наукою. Двѣ причины порождаютъ столкновеніе науки и откровенія: самоувѣренность полуученыхъ, выдающихъ гипотезы за непререкаемые декреты науки, и неблагоприятіе

комментаторовъ, свои рискованныя толкованія Священнаго Писанія выдающихъ за голосъ самого откровенія.

Истинъ, касающихся природы въ откровеніи въ общемъ немного, особенно если сравнить ихъ число съ истинами, говорящими о нравственности и вѣрѣ. Священный писатель, говоря объ истинахъ естественныхъ, обыкновенно только касается ихъ или дѣлаетъ о нихъ самыя общія замѣчанія, при этомъ не должно забывать, что онъ имѣетъ въ виду не однихъ ученыхъ читателей, но весь родъ человѣческій и поэтому не можетъ пользоваться научными терминами, но принужденъ употреблять выраженія понятныя для всѣхъ. Богодухновеннымъ писателямъ открывались не слова, но мысли, которыя они выражали языкомъ своего времени. Чѣмъ больше развивается научное знаніе, тѣмъ больше является возможности правильно понимать мысли Писанія. Такое значеніе науки для экзегезиса во всѣ времена признавали отцы церкви. Такъ наукою своего времени пользовался св. Василій Великій для написанія шестоднева, такъ смотрѣлъ на дѣло и блаженный Августинъ.

Невѣрующіе нашихъ дней пользуются наукою не для объясненія Писанія, но для доказательства того, что оно не богодухновенно. Писаніе, говорятъ они, утверждаетъ, что земля находится въ центрѣ вселенной, что солнце и луна—ея ничтожные спутники, звѣзды—маленькія блестящія точки прикрѣпленныя къ небесному своду—твердому и прозрачному, какъ кристалъ. Безъ сомнѣнія, еслибы Писаніе утверждало эти положенія, то его нельзя бы было признать богодухновеннымъ? Но утверждаетъ ли оно ихъ? Предполагая это, не принимаютъ ли метафоры за точныя выраженія? Прежде всего независимо отъ вопроса о богодухновенности можно ли допустить, что Моисей не обладалъ никакими научными познаніями и держался столь грубыхъ заблужденій? На это должно отвѣтить отрицательнымъ образомъ. По мнѣнію ученыхъ имѣющихъ своею цѣлью лишь изслѣдованіе истины, а вовсе не защиту вѣры, египтяне обладали обширными познаніями въ области физики, химіи и астрономіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившіяся отъ нихъ ихъ гигантскія созданія. Прежде всего пирамиды. Онѣ поражаютъ насъ болѣе, какъ геометрическія построенія, чѣмъ какъ произведенія искусства. Тщательное изученіе

самой колоссальной изъ пирамидъ открыло удивительное соотношеніе между ея измѣреніями и различными астрономическими величинами. Повидимому египтяне знали солнечный параллаксъ почти такъ же точно, какъ и мы, они опредѣлили разстояніе земли отъ солнца — эту единицу астрономическихъ измѣреній—и полученные величины они воспроизвели въ величайшемъ изъ каменныхъ монументовъ воздвигнутыхъ доселѣ гениемъ человѣческимъ. Замѣчательно отношеніе между вѣсомъ земли и этой пирамиды точно такъ же, какъ замѣчательны въ ней соотношенія между измѣреніями другихъ частей. Для объясненія ихъ необходимо предположить, что египтяне обладали чрезвычайно обширными познаніями въ физическихъ наукахъ. Нужно полагать, что они были знакомы съ геліоцентрическою системою. Но Моисей, жившій въ эпоху наибольшаго развитія египетской культуры и воспитанный при дворѣ Фараона, конечно, изучилъ всѣ науки своего времени и уже поэтому онъ не могъ раздѣлять тѣхъ заблужденій, которыя ему приписываютъ невѣрующіе нашихъ дней. Но главнымъ образомъ онъ не могъ предать ихъ письмени, потому что былъ органомъ Божиимъ, и дѣйствительно въ написанныхъ имъ книгахъ Священнаго Писанія и нѣтъ этихъ заблужденій.

Говорятъ, что Моисей придалъ преувеличенное значеніе землѣ, что онъ представлялъ ее по сравненію съ другими свѣтилми несравненно большею и величественною. Но на самомъ дѣлѣ въ Библии вовсе не говорится, что земля имѣетъ массу большую, чѣмъ звѣзды или солнце, Моисей главнымъ образомъ говоритъ о землѣ не потому что она больше другихъ свѣтилъ, но потому что она жилище человека. Точно также Библия преимущественно описываетъ Палестину, какъ мѣсто обитанія народа, хранившаго истинную религію, хотя эта страна представляетъ собою чрезвычайно ничтожный уголокъ земного шара.

Несомнѣнною научною истиною нашего времени является то, что земля шарообразна и изолирована въ пространствѣ. Но эту истину неоспоримымъ образомъ утверждаетъ Св. Писаніе. Такъ, въ книгѣ Іова находятся слѣдующіе замѣчательныя слова: „Онъ распростеръ сѣверъ надъ пустотою, повѣсилъ землю ни на чемъ“ (XXVI, 7). Что нужно разу-

мѣть подѣ этой пустотой иное кромѣ неизмѣримой пустоты пространства? Что это за ничто, окружающее землю? Это таинственный эфиръ, вибраціи котораго производятъ свѣтъ, электричество, магнетизмъ и притяженіе, создаютъ связь между мірами, поддерживаютъ ихъ въ пространствѣ, какъ атмосфера облака или какъ держатся корабли на поверхности водъ. Псалмонѣвецъ восклицаетъ: „Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ... бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ Ты ее“ (10, 3, 5, 6). У пророка Исаи находятся слова: „Онъ распростеръ небеса, какъ тонкую ткань, и раскинулъ ихъ, какъ шатеръ для жилия“ (XL, 22). Еврейское слово, переведенное выраженіемъ „тонкая ткань“ обозначаетъ нѣчто такое, что по своей легкости почти не можетъ быть воспринимасмо. Во всѣхъ этихъ обозначеніяхъ можно видѣть указаніе на то, что теперь носитъ названіе зонра. Мысль, что земля держится въ пространствѣ ни на чемъ, въ приведенныхъ текстахъ, равно какъ и во многихъ другихъ, выражается столь ясно, что и древніе комментаторы — Амвросій, Иеронимъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Исидоръ и другіе, толковали эти тексты также, какъ толкуемъ ихъ и мы.

Въ Св. Писаніи утверждается не только то, что земля изолирована въ пространствѣ, но и то, что она шарообразна. „Въ Библии часто встрѣчается выраженіе кругъ земли“ (*orbis terrae, gyrus terrae*) и видно, что его издавна привыкли толковать, какъ обозначающее земной шаръ и еще до Галилея землю рисовали шаромъ. Внимательно изслѣдуемое Писаніе внушаетъ мысль и о движеніи земли вокругъ оси. Часто оно говоритъ о полюсахъ (крякахъ, основаніяхъ) земли. Таково, напр., выраженіе: *adhuc terram non fecerat et flumina et cardines orbis terrae* (Ирмч. VIII, 26, въ русскомъ переводѣ вмѣсто *cardines* стоитъ выраженіе „начальныя пылинки“). Въ другомъ мѣстѣ говорится: „у Господа основанія земли (по латыни: *cardines terrae*), и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную“ (1 Царств. 11, 8). Но носы земли $\text{רָצוּן} = \text{cardo}$ — основаніе) естественно предполагаютъ собою вращеніе вокругъ оси, проходящей черезъ нихъ. Но древніе комментаторы подѣ влияніемъ геоцентрической космологіи придавали совсѣмъ другой смыслъ приведеннымъ выраженіямъ Писанія. Они не могли усвоить

себѣ представленія о полюсахъ земныхъ въ точномъ смыслѣ этого слова, они создали ученіе о полюсахъ неба, вокругъ которыхъ вращается небесный сводъ (сѣверный полюсъ—Полярная звѣзда). Такимъ образомъ, не Библия препятствовала имъ правильно представлять вещи, но жалкое состояніе науки мѣшало правильному пониманію смысла Библии. Наука древности заставляла ихъ утверждать землю на непоколебимомъ основаніи, искать *опоры для ея опоры*, вращать вокругъ земли небесный сводъ и т. д.

Но великіе умы, отличительнымъ свойствомъ которыхъ является способность видѣть больше и дальше, чѣмъ ихъ современники, умѣли избѣгать многихъ изъ этихъ заблужденій. Великіе отцы церкви въ своихъ толкованіяхъ на Священное Писаніе поражаютъ своимъ прозрѣніемъ будущихъ научныхъ истинъ. „Земля, говоритъ св. Василій Великій, пространство которой столь обширно и вѣсь столь тяжель, утверждается только на самой себѣ ¹⁾“. „Не нужно удивляться тому, что она не требуетъ никакой поддержки, она въ силу собственнаго своего вѣса занимаетъ то мѣсто, на которомъ находится. Было бы противно ея природѣ падать къ низу, и для нея такъ же трудно опуститься, какъ и подняться ²⁾“. Ученый святитель, оставаясь послѣдовательнымъ самому себѣ, учитъ далѣе, что воды, которыми въ началѣ земля была окружена совершенно, не текутъ къ тѣмъ частямъ земли, которыя мы называемъ болѣе низкими, но остаются въ равновѣсіи на основаніи того-же самаго закона, по которому и земля держится въ пустотѣ ³⁾. Вслѣдъ за св. Василиемъ идетъ Амвросій Медиоланскій. Въ своемъ Шестодневѣ высказавъ, что земля постоянно поддерживается всемогуществомъ Божиимъ, вызвавшимъ ее изъ ничтожества, онъ приводитъ текстъ Іова: Богъ „повѣсилъ землю ни на чемъ ⁴⁾“. Его знаменитый ученикъ—блаженный Августинъ высказываетъ ту же истину въ такихъ выраженіяхъ, которыя, повидимому, намекаютъ на движеніе на-

¹⁾ Ἡ ἡ ἀπὸ τῆς ... ἐν αὐτῆς ἐδραζομένην (In Hex. Homil. IV. περὶ σινα-
γῶγης τῶν ἑδαίων, с. 1).

²⁾ Item. Homil. I. Ἐν ὁρμῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τῆς γῆς.
cap. 10.

³⁾ Item. Homil. III περὶ τοῦ στερεώματος, cap. 5.

⁴⁾ Hexaem., lib. I, cap. 6.

шей планеты. „Земля, говоритъ онъ, утверждается въ равновѣсїи (se balance) въ пространствѣ ⁵⁾“. Точно также блаженный Иеронимъ, обращаясь къ тѣмъ, которые колебались допустить всеобщее воскресеніе людей, восклицалъ: „неужели вы думаете, что для Бога труднѣе дать жизнь неодушевленной плоти, чѣмъ повѣсить въ пустотѣ неизмѣримую массу земли и удерживать ее въ равновѣсїи съ окружающими ее водами ⁶⁾“? Тоже самое повторяетъ Исидоръ. Точно также у Бэды Достопочтеннаго встрѣчается, что земля не можетъ ни упасть къ низу, ни подниматься къ верху ⁷⁾. Это повторяютъ и многіе другіе авторы древности.

Встрѣчаются у нихъ и указанія на сферичность земли. Такъ блаж. Августинъ въ своихъ толкованіяхъ на книгу Бытія говоритъ: „когда солнце исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, оно освѣщаетъ другія части земли, для которыхъ свѣтитъ день въ то время, когда насъ окружаетъ тьма ⁸⁾“. Августинъ не выразился бы такъ, еслибы считалъ землю плоскою, потому что по этой гипотезѣ солнце заходило въ одно время для всѣхъ частей земли и въ одно время всходило для всѣхъ нихъ. Еще раньше Августина Оригенъ признавалъ, что кромѣ сѣвернаго полушарія земля обитаема и по ту сторону океана ⁹⁾, куда, тогда полагали, невозможно проникнуть. Достопочтенный Бэда ясенъ еще болѣе. Онъ доказываетъ, что земля имѣетъ видъ сферы, не смотря на существованіе холмовъ и долинъ, избороздившихъ ея поверхность. Это открывается, по его разъясненію, изъ того факта, что созвѣздія, расположенныя близъ зенита, приближаются къ горизонту или удаляются отъ него, смотря по тому, въ какомъ направленіи зрители двигаются отъ одной широты къ другой. Бэда дѣлитъ земной шаръ на пять поясовъ и доказываетъ, что страны сосѣднія съ антарктическимъ полюсомъ точно такъ же, какъ и страны сѣверныя, необитаемы по причинѣ суроваго холода. Довольно

⁵⁾ De Civitate Dei Lib. XIII. cap. 18. et de Genesi ad Litteram. Lib. II. cap. 9.

⁶⁾ Epistol. ad Pammachium.

⁷⁾ De Natura rerum, cap. 45. Hexaem. Lib. I.

⁸⁾ De Genesi ad-Litteram, Lib. I. cap. IX, и 21.

⁹⁾ In. Ezechielen. cap. 8.

ясно онъ раскрываетъ, почему зимою въ сѣверномъ полушаріи дни короче и ночи длиннѣе, между тѣмъ какъ въ южномъ полушаріи происходитъ въ это время дѣло наоборотъ ¹⁰⁾.

Невѣрующіе ученые нашего времени отрицаютъ, что богословы первыхъ вѣковъ представляли землю имѣющую сферическую форму. Такъ, Гюнтеръ въ своей исторіи математической и физической географіи утверждаетъ, что Лактанцій, бл. Августинъ и другіе представляли землю плоскою поверхностію, на которую опирался кристаллическій небесный сводъ. Гюнтеръ восхваляетъ зальцбургскаго епископа VIII-го в. Виргилія, который выступилъ противъ Бонифація и папы Захаріи въ защиту существованія антиподовъ. Мнѣніе Виргилія было осуждено папою. Но ученые, осуждающіе это осужденіе, очевидно, не понимаютъ его смысла. Вопросы о сферичности земли и объ антиподахъ—два различные вопроса. Признавая во имя научныхъ данныхъ сферичность земли, богословы во имя догматическихъ соображеній отрицали существованіе антиподовъ. Философы и ученые того времени представляли, что извѣстныя въ то время земли были окружены океаномъ, который безусловно непереходимъ. За этимъ океаномъ должны были быть другія земли, обитатели которыхъ по отношенію къ жителямъ береговъ средиземнаго моря являлись антиподами. Богословы отрицали существованіе этихъ людей антиподовъ на томъ основаніи, что всѣ люди имѣютъ общее происхожденіе отъ Адама, и людей происшедшихъ не отъ Адама нѣтъ. Мысль язычниковъ логко мирилась съ гипотезой автохвонности антиподовъ, богословы безусловно отрицали эту мысль. Такимъ образомъ, сущность спора объ антиподахъ была догматическою, а не географическою.

Два духовныхъ писателя на востокѣ отрицали сферичность земли: египетскій монахъ Козьма Индикоплевствъ, современникъ Юстиніана (въ сочиненіи *Χριστιανική τοπογραφία*), и епископъ Северіанъ де-Габаль, современникъ св. Златоуста, интриговавшій въ Константинополѣ противъ послѣдняго. По представленію Козьмы Индикоплевста, земля имѣетъ видъ плоскаго четырехугольника, длина котораго (па-

¹⁰⁾ De Natura rerum. Cap. 6 et 9. et. De Temporum ratione. c. 32.

правляющаяся съ востока къ западу) вдвое болѣе его ширины (съ сѣвера къ югу). Со всѣхъ сторонъ земля окружена высокими стѣнами, поднимающимися сначала вертикально, потомъ сгибающимися полукругомъ для того, чтобы поддерживать неизмѣримый небесный сводъ. Твердь подобная потолку соединяла стѣны у основанія свода и такимъ образомъ создавала два отдѣленія: низшее, гдѣ живемъ мы, и высшее—для избранныхъ. Перемены дня и ночи, затменія луны и другія астрономическія явленія Козьма объяснялъ существованіемъ на сѣверѣ высокой горы, вершина которой исчезаетъ въ облакахъ и вокругъ которой вращалось солнце. На вопросъ, почему смѣлые путешественники въ своихъ отдаленныхъ плаваніяхъ никогда не достигали тѣхъ высокихъ стѣнъ, о которыхъ говоритъ Козьма, Козьма отвѣчалъ, что обитаемая земля, какъ островъ, окружена океаномъ, который непреходимъ и за которымъ находятся иныя земли, поддерживающія стѣны, на которыхъ утверждается небесный сводъ. Теорію сферичности земли Козьма отвергалъ тѣмъ, что, если ее допустить, то тогда люди въ нѣкоторыхъ странахъ должны ходить головою книзу и ногами кверху, тогда дождь падалъ бы не такъ, какъ онъ падаетъ теперь и т. д. Свои географическія представленія онъ оправдывалъ Священнымъ Писаніемъ. „Св. Павелъ учитъ насъ, говорилъ онъ, что скинія, построенная Моисеемъ въ пустынѣ, была образомъ міра; но скинія была четырехугольная, слѣдовательно и земля и небо не имѣютъ сферической формы“. Взгляды Козьмы, надо полагать, образовались подъ вліяніемъ взглядовъ Северіана и подъ впечатлѣніями вынесенными изъ собственныхъ путешествій (прежде, чѣмъ стать монахомъ, Козьма былъ купцомъ и совершалъ отдаленныя путешествія на востокъ, между прочимъ, въ Индію, отчего онъ и получилъ свое прозвище).

Но ни Козьма, ни Северіанъ никогда не пользовались авторитетомъ, какъ церковные писатели. У великихъ же авторитетовъ церкви совершенно не встрѣчается тѣхъ странныхъ мнѣній, которыя защищали египетскій монахъ и константинопольскій епископъ. Признавая землю сферическою, отцы церкви никогда не считали небесный сводъ кристалльнымъ. Вотъ, что пишетъ, наприм., объ этомъ св.

Василій Великій. „Словомъ твердь Писаніе желаетъ обозначить предметъ твердый и обладающій способностію сопротивленія, подобный, напр., плотному воздуху, и имѣющему способность удерживать болѣе легкіе пары. Неправедливо считать твердь подобною застывшей водѣ, кристалу или какому иному драгоценному камню, твердому и прозрачному. Только дѣтству свойственно такъ мыслить о небѣ и только у людей ограниченныхъ можно встрѣтить подобныя представленія“. Немного далѣе онъ говоритъ: „еслибы Писаніе имѣло въ виду словомъ твердь назвать предметъ твердый, вѣсомый и непроницаемый, то оно приложило бы его къ землѣ; но вещества, находящіяся вверху, крайне легки и такового свойства, что наше чувство осязанія не можетъ воспринимать ихъ, посему атмосфера и названа твердію по сравненію съ веществами, находящимися надъ нею, почти невѣсомыми, разрѣженность которыхъ превосходитъ всякое воображеніе“ ¹¹⁾.

Ученые, настаивающіе на вѣрѣ отцовъ церкви въ кристаллическій небесный сводъ, вмѣстѣ съ симъ утверждаютъ, что древніе совершенно не знали о круговращеніи воды чрезъ воздухъ, не знали, что съ поверхности рѣкъ, морей и озеръ вода испаряется въ воздухъ, разносится вѣтромъ и вообще атмосферическими потоками по всѣмъ направленіямъ и падаетъ на землю въ видѣ дождя и снѣга. Говорятъ, что древніе представляли небесный сводъ содержащимъ неисчислимыя запасы снѣга, града и воды, расположенные въ высихъ областяхъ. Слова Василія В. совершенно разрушаютъ это предположеніе. „Нагрѣтыя воды морей и рѣкъ, говоритъ онъ, поднимаются въ воздухъ въ видѣ многочисленныхъ испареній, которыя потомъ сгущаются подъ дѣйствіемъ холода и разрѣшаются въ дожди для оплодотворенія полей“ ¹²⁾. Этотъ атмосферическій процессъ св. Василій поясняетъ прихѣромъ котла наполненнаго водою и нагрѣваемаго на огнѣ. Вода въ такомъ котлѣ испаряется и исчезаетъ. Точно также св. Василій ссылается на приемы, употребляемые мореплавателями для того, чтобы сдѣлать воду годною для питья. Древніе знали, что мор-

¹¹⁾ Пехает. Homil. III. *Περὶ τοῦ στερεώματος*, № 4 и 7.

¹²⁾ Homil. IV, *Περὶ συναγωγῆς τῶν ὑδάτων*, cap. 7.

ская вода, испаряясь, теряетъ ту соль, которую содержитъ.

Амвросій Медиоланскій, слѣдующій шагъ за шагомъ за св. Василиемъ, повторяетъ тоже самое ученіе въ третьей книгѣ своего шестоднева, гдѣ говоритъ о тверди раздѣляющей воды. Также разсуждаетъ св. Кириллъ Александрійскій. Онъ говоритъ, что пары, сгущаясь, образуютъ плотныя облака и что они представляютъ собою въ воздушныхъ высотахъ неистощимые запасы воздуха. Исидоръ Севильскій детально описываетъ процессъ испаренія водъ и преобразование ихъ въ дождь, этимъ онъ объясняетъ, почему океанъ, въ который текутъ всѣ рѣки, не переполняется. Ту же самую мысль не менѣе ясно выражаетъ Бэда Достопочтенный. „Испареніе, говоритъ онъ, есть причина, почему море не увеличиваетъ количества своихъ водъ, хотя оно принимаетъ въ себя воды всѣхъ рѣкъ континента, точно также море остается горькимъ, потому что испареніе не извлекаетъ изъ него соли“¹³⁾. Эти разсужденія церковныхъ писателей прекрасно комментируютъ слова Библии: „всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется; къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы течь опять“ (Екклез. 1, 7).

Приведенныя выдержки изъ произведеній отцовъ и учителей церкви показываютъ, что по многимъ вопросамъ космографіи они держались тѣхъ же воззрѣній, которыхъ держится и нынѣ весь образованный міръ. Болѣе подробное изученіе ихъ твореній еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Это изученіе открываетъ, что они знали, что луна свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ, что ея блескъ опредѣляется ея отношеніемъ къ солнцу, что отъ солнца зависятъ ея фазы и что она производитъ явленіе приливовъ¹⁴⁾. Они знали, что звѣзды и днемъ находятся надъ нашими головами, и что только ослѣпляющій блескъ солнца мѣшаетъ ихъ видѣть, но при затмѣніи солнца онѣ являются (объ этомъ говорятъ Исидоръ, Иеронимъ, Бэда). Они знали, что

¹³⁾ De Natura rerum, cap. 41.

¹⁴⁾ Вл. Иероним. (In Isaiam, Lib. XVIII, in Amos. Lib II). Исидоръ (de natura rerum). Васил. В. (Hexaem. Homil. VI), бл. Августинъ (de Genesi ad litter. Lib. 11), Амвр. Медиол. (Hexaem. L. IV), Бэда (op. cit. 39).

свѣтъ можетъ быть отдѣляемъ отъ теплоты (холодный свѣтъ и темная теплота), что земля по сравненію съ небомъ только ничтожная песчинка, и что луна и солнце суть свѣтила великія не по ихъ сравнительнымъ размѣрамъ, но по ихъ значенію для земли (Амвросій, Іеронимъ, Августинъ).

Огцы церкви не игнорировали ученій древнихъ философовъ, они знали ихъ предположенія о мірѣ, землѣ, ея движеніи вокругъ солнца, по бѣ своихъ толкованіяхъ св. Писанія и въ изложеніи христіанскаго ученія они предпочитали руководиться Птоломеемъ, хотя они никогда въ своихъ произведеніяхъ не представляли неподвижность земли, какъ истину доказанную откровеніемъ. Имъ только казалось, что представленіе объ этой неподвижности хорошо согласуется съ ученіемъ священныхъ книгъ, и они разсматривали послѣднія сквозь призму птоломеевской системы. Но на ихъ пониманіе догматовъ эта система не имѣла никакого вліянія, она сказывалась въ ихъ представленіяхъ частныхъ обстоятельствъ, относящихся къ догматамъ, но не въ ихъ взглядахъ на догматы. О догматѣ искупленія человѣчества они учили такъ же и исповѣдывали его такимъ же образомъ, какъ и мы. Откровеніе учитъ, что Слово Божіе воплотилось для спасенія рода человѣческаго. Богъ соединился съ человѣкомъ для того, чтобы поднять его до Себя. Воплощеніе произошло на землѣ. Размѣры земли, вопросы о вращеніи земли около оси или движеніи ея вокругъ солнца, очевидно, имѣютъ менѣе чѣмъ второстепенное значеніе въ дѣлѣ пониманія этой тайны. Искупленіе, это—таинственная драма, скорбная, ужасная и утѣшительная, одновременно являющая намъ безконечное правосудіе Божіе и Его неизреченное милосердіе. Земля и небо, это—сцена, на которой происходила драма. Невѣрное представленіе сцены можетъ не препятствовать правильному пониманію драмы. Точно также невѣрное представленіе сцены не препятствовало отцамъ и учителямъ церкви правильно понимать, чѣмъ въ концѣ концовъ кончится великая драма, называемая исторіей человѣчества, т. е. не препятствовало имъ такъ же, какъ и намъ, признавать и исповѣдывать догматы о концѣ міра. Какъ и мы, они вѣрили въ конецъ міра, въ существованіе неба и ада, вѣрили во всеобщій судъ и въ то, что ему будутъ предшествовать знаменія,

предсказанныя въ Евангелии. Они вѣрили въ воскресеніе плоти, въ обновленіе земли и неба, въ наступленіе вѣчнаго торжества избранныхъ, въ осужденіе грѣшниковъ на вѣки и вѣки. Но подъ вліяніемъ геоцентрической теоріи и еще нѣкоторыхъ обстоятельствъ они могли иначе, чѣмъ мы, представлять положеніе ада, рая, могли иначе судить о времени наступленія конца міра и о нѣкоторыхъ событіяхъ, которыя будутъ сопровождать эти великія проявленія всемогущества Божія. Сторонники геоцентрической теоріи, отцы почти единодушно представляли адъ въ центрѣ земли. Только очень немногіе изъ нихъ не держались этого воззрѣнія. Точно также они представляли, что заключительный приговоръ надъ людьми будетъ произнесенъ верховнымъ Судіею въ Иосафатовой долинѣ, и тогда праведные поднимутся на небо, а земля откроетъ свои бездны, въ которыя падутъ осужденные въ огонь вѣчный. Недалеко отъ ада предполагали существованіе области, въ которой находились дѣти, умершія безъ крещенія, и затѣмъ далѣе указывали область, которую нѣкогда занимали души патріарховъ. Не имѣя никакого грѣха, который не былъ бы изглаженъ, они ожидали времени, когда двери рая откроются передъ ними по заслугамъ Спасителя, и они вступятъ въ область вѣчнаго блаженства. Такъ, подземныя бездны, по представленію древнихъ богослововъ, дѣлились на области, гдѣ или горѣлъ карающій огонь, или, какъ въ преддверіи рая, мучительнаго огня не было. Не всѣ богословы представляли себѣ одинаково топографію и взаимное расположеніе этихъ областей, Но это различіе частныхъ. Важнѣе отмѣтить другое. Во 1) отцы то, что они говорили о мѣстоположеніи ада и его окрестныхъ областяхъ, никогда не выдавали за ученіе вѣры, во 2) такіе богословы, какъ св. Василій В., бл. Августинъ, Григорій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Гуго де сенъ Викторъ и другіе признавали, что по этому вопросу нельзя сказать ничего вѣрнаго и что совершенно безразсудно въ отвѣтъ на него давать точныя опредѣленія.

Въ первые вѣка христіанства было распространено убѣжденіе, что день послѣдняго суда недалекъ, и св. ап. Павелъ написалъ два посланія къ Фессалоникійцамъ въ разъясненіе того, что день суда наступитъ неожиданно, и что предвѣстія его еще не явились. Лактанцій, св. Григорій,

св. Левъ, св. Василій полагали, что міръ уже достигъ эпохи послѣднихъ волненій, которыя должны предшествовать его обновленію. Ихъ приводили къ этому заключенію не гипотезы геоцентрическаго ученія, но государственныя несчастія, мятежи, многочисленныя ереси, ужасныя отступленія, печальными свидѣтелями которыхъ имъ пришлось быть. Ихъ космологическія воззрѣнія естественно должны были вести ихъ къ буквальному пониманію словъ Евангелія: „звѣзды спадуть съ неба, однако всѣ они—за исключеніемъ Тертуліана и можетъ быть Оригена—принимали иное толкованіе этого текста. Они знали, что неподвижныя звѣзды больше земли, и потому пророчество объ ихъ паденіи истолковывали или въ смыслѣ ихъ помраченія или въ томъ, что на землю передъ концомъ устремится многочисленнѣйшій потокъ падающихъ звѣздъ или воспламененныхъ аэролитовъ. Въ древности всѣ метеоры носили названіе звѣздъ. Предположеніе богослововъ о имѣющемъ произойти въ концѣ время паденія множества такихъ метеоровъ являлось вполне научнымъ. И теперь ученые не безъ страха представляютъ себѣ встрѣчу земли при ея движеніи вмѣстѣ съ солнцемъ по направленію къ созвѣздію Геркулеса съ потоками метеоритовъ. Если милліоны такихъ метеоритовъ или падающихъ звѣздъ устремятся на землю, то можетъ произойти пожаръ достаточный для уничтоженія всего рода человѣческаго. Говоря о послѣднемъ пожарѣ, который, согласно словамъ ап. Петра, долженъ очистить всю землю огнемъ, св. отцы вообще допускали, что океанъ пламени не достигнетъ звѣзднаго неба, но что онъ распространится только по нашей атмосферѣ и поднимется приблизительно на ту высоту, которой достигали нѣкогда волны потопа, т. е. будетъ немного выше высочайшихъ горъ. Эти предположенія важны тѣмъ, что они показываютъ, что отцы, не смотря на то, что руководились геоцентрическою космологіею, не полагали, что конецъ земли, называемый обыкновенно концомъ міра, будетъ вмѣстѣ и концомъ вселенной. Они ожидали только обновленія населяемой нами земли. Слова св. Писанія о новомъ небѣ и новой землѣ, „на которыхъ обитаетъ правда“, они прилагали только къ земному шару и непосредственно прилежающимъ къ нему областямъ пространства. За всѣмъ тѣмъ они полагали, что послѣ послѣдняго

суда всѣ движенія на небѣ прекратятся. По этому вопросу можно не раздѣлять ихъ мнѣнія. Современные богословы въ виду безмѣрнаго множества свѣтилъ и ихъ движеній, о которыхъ не подозрѣвали богословы прошедшаго, вообще думаютъ, что міры будутъ существовать и послѣ обновленія земли. Можетъ быть для тѣлесныхъ очей избранныхъ они будутъ служить къ возобновленію удивленія предъ премудростью, могуществомъ и величіемъ Бога, непосредственно созерцать Котораго можетъ только душа. Какъ бы то ни было, однако патристическая гипотеза объ абсолютномъ покоѣ небесныхъ тѣлъ въ теченіе вѣчности не имѣетъ ничего противорѣчащаго ей въ современной наукѣ. Звѣздныя системы въ будущемъ должны разрушаться, послѣдовательно, одиѣ за другими. Наука предвидитъ эпоху, правда, отдаленную, но неизбежную, когда всѣ звѣзды станутъ только космической матеріей — совершенно подобной первоначальной туманности, изъ которой онѣ образовались. Предназначена ли эта эпоха Богомъ для полнаго обновленія вселенной? Св. отцы не разсматривали вопросъ съ этой точки зрѣнія и въ ихъ произведеніяхъ бесполезно искать на него отвѣта. Сами ученые руководятся въ немъ только простыми догадками, потому что это обновленіе, какъ и первое созданіе существъ зависитъ только отъ свободной воли Божіей.

Св. отцы вообще полагали, что пожаръ земли, ея очищеніе карающимъ огнемъ и наконецъ обновленіе совершатся въ незначительный періодъ времени подобно тому, какъ и образованіе міра, по ихъ представленію, совершилось всего въ теченіе шести дней. Современные богословы процессъ міротворенія представляютъ себѣ инымъ образомъ. Для нихъ дни творенія — эпохи, продолжительность которыхъ неизвѣстна точно, но которая во всякомъ случаѣ не могла быть незначительною. Нельзя ли сдѣлать подобнаго предположенія и о концѣ міра. Наука не имѣетъ ничего возразить противъ этого. Въ своихъ вычисленіяхъ она постоянно употребляетъ баснословно-громадныя цифры. Она намѣчаетъ тысячи лѣтъ до того времени, когда земля охладится совершенно и станетъ необитаемою. Безъ сомнѣнія Богу не нужно ждать этого момента, чтобы призвать на судъ человѣчество, но Онъ можетъ призвать его на судъ и много времени

спустя. Можетъ быть послѣ послѣдняго дыханія испущеннаго послѣднимъ обитателемъ земли, она — пустынная и безотрадная — въ теченіе вѣковъ будетъ двигаться по неизмѣримымъ пространствамъ, какъ холодная гробница, до часа назначеннаго для общаго воскресенія тѣлъ и для ея обновленія. Священное Писаніе не указываетъ, что событія, предвѣщаемыя имъ, должны слѣдовать одно за другимъ съ короткими промежутками.

II.

Гипотеза многочисленности обитаемыхъ міровъ въ ея отношеніи къ дѣйствительнымъ даннымъ науки и ученію вѣры.

Астрономическая теорія, лишившая землю значенія центральнаго свѣтила и выяснившая, что размѣры нашей планеты крайне ничтожны по сравненію съ размѣрами другихъ небесныхъ тѣлъ, естественно должна была привести къ мысли, что и обитатели земли не представляютъ собою высшихъ и исключительныхъ созданій во вселенной, что на другихъ мірахъ могутъ жить иныя разумныя существа, можетъ быть несравненно болѣе культурныя, чѣмъ люди. Это предположеніе стали развивать и въ настоящее время оно имѣетъ многихъ горячихъ защитниковъ. Особенно ревностно на многочисленности обитаемыхъ міровъ настаиваетъ Фламмаріонъ. Поэты, говоритъ Фламмаріонъ, одною силою своею воображенія создали множество видовъ фантастическихъ существъ, неимѣющихъ никакой реальности и живущихъ лишь въ ихъ душѣ, но конечно поэты менѣе могущественны, чѣмъ природа. Слѣдовательно, звѣзды обитаемы. Этотъ силлогизмъ является у Фламмаріона главнымъ аргументомъ, доказывающимъ обитаемость небесныхъ міровъ. Исходя изъ него, онъ утверждаетъ, что жизнь распространена во вселенной повсюду. Микроскопъ открываетъ цѣлый міръ организмовъ въ каплѣ воды, тѣмъ болѣе организмы должны существовать на громадныхъ мірахъ. Но апеллируя къ микроскопу, Фламмаріонъ забываетъ о телескопѣ. Между тѣмъ телескопъ даетъ непоколебимыя основанія утверждать, что жизнь во вселенной распространена далеко не такъ широко, какъ это предполагаетъ французскій астрономъ. Для возникновенія и поддержанія жизни требуются условія,

которыя далеко не всегда оказываются на лицо. Сѣмена погибають, когда температура становится выше 50° (по Цельзію) или когда она опускается немного ниже нуля. Температура большей части небесныхъ тѣлъ несомнѣнно находится далеко внѣ этихъ предѣловъ. Говорятъ, что на другихъ мірахъ могутъ быть иныя условія и иныя формы жизни. Но это предположеніе не выдерживаетъ рѣшительно никакой критики. Атмосфера, вода, благопріятная температура, пища необходимы всѣмъ видамъ организмовъ и когда этихъ условій нѣтъ, нѣтъ и жизни. Напрасно говорятъ, что жизнь распространена повсюду. Въ полярныхъ странахъ, на высокихъ горахъ, въ пустыняхъ жизнь отсутствуетъ на землѣ. Обращаясь къ геологическому прошлому нашей планеты, видимъ, что въ прошедшемъ видовъ жизни на землѣ было несравненно меньше, и что раньше Лаврентіевской эпохи, когда температура на землѣ была значительно выше, жизни не существовала совсѣмъ. Земной шаръ совершенно необитаемый двигался въ пространствѣ.

Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ еще можно было говорить объ обитаемости звѣздъ. Тогда въ наукѣ держалась гипотеза Гершелей и Араго, которые представляли, что солнце собственно есть тѣло темное, окруженное двумя оболочками—внѣшней свѣтящейся и раскаленной и внутренней, имѣющей для солнца значеніе экрана, пропускающаго къ нему лишь умѣренное количество теплоты и свѣта. При такомъ представленіи можно было предполагать, что солнце обитаемо, и это предположеніе можно было распространять и на другія звѣзды, считая ихъ строеніе аналогичнымъ строенію солнца. Но спектральный анализъ разрушилъ эту гипотезу. Несомнѣнно, что солнце и звѣзды суть тѣла, находящіяся въ раскаленномъ состояніи и температуру ихъ нужно считать въ милліоны градусовъ. При такихъ условіяхъ матерія тамъ находится уже и не въ газообразномъ состояніи, но въ состояніи крайней диссоціаціи. Ни о какой жизни здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Не можетъ быть рѣчи и о существованіи жизни на туманностяхъ или кометахъ, вещество на нихъ крайне разрѣжено, химическій составъ ихъ чрезвычайно простъ. Остается еще предположеніе, что на необитаемыхъ нынѣ мірахъ жизнь возникнетъ въ будущемъ. Солнце и другія звѣзды охладѣють, покроются твердою

корою подобно, какъ ею покрыта земля, и тогда на нихъ возникнетъ жизнь. Но и это предположеніе не можетъ быть допущено. Для того, чтобы на солнцѣ явились организмы, нужно не только, чтобы оно охладилось, но чтобы явился еще какъ нибудь источникъ, который посылалъ бы ему тепло и свѣтъ. Такого источника нѣтъ. Ближайшія звѣзды къ солнцу суть α Центавра и 61-я созвѣздія Лебеда—первая отстоитъ отъ солнца на разстояніи восьми триллионовъ лье (разстояніе это въ 210000 разъ больше средняго радіуса земной орбиты), другая находится на разстояніи 15 триллионовъ лье. Онѣ не дадутъ солнцу ни тепла, ни свѣта. Не явятся ни откуда тепло и свѣтъ и для другихъ звѣздъ. Такимъ образомъ звѣздные міры были и останутся безжизненными. Но если это такъ, то, значить, теорія распространенія жизни по всей вселенной оказывается совершенно несостоятельной. Матерія, образующая звѣзды, представляетъ собою наибольшую часть всей матеріи вселенной (солнце въ 700 разъ больше всѣхъ тѣлъ своей системы), и эта наибольшая часть, оказывается, не носитъ въ себѣ никакой жизни.

Можно ли предполагать существованіе жизни на спутникахъ звѣздъ — планетахъ? Вопросъ этотъ намъ возможно рѣшать только по отношенію къ солнечной системѣ и нельзя сказать, чтобы наблюденія надъ планетами нашего міра предоставляли данныя для положительнаго отвѣта. Ближе всего изъ тѣлъ солнечнаго міра къ намъ, находится нашъ спутникъ — Луна. На ней констатируютъ полное отсутствіе атмосферы. Это доказываютъ многія явленія, наблюдаемая на лунѣ: рѣзкость и абсолютная темнота тѣней лунныхъ горъ, мгновенное исчезновеніе и появленіе звѣздъ во время закрытія ихъ луною, то обстоятельство, что края луны видны также отчетливо, какъ и середина ея диска; наконецъ то, что спектръ луны совершенно совпадаетъ съ спектромъ солнца. Точно также на лунѣ нѣтъ и морей. День на нашемъ спутникѣ продолжается около 15 нашихъ сутокъ и столько же времени продолжается ночь. Въ теченіе дня температура поднимается выше температуры кипѣнія воды и въ теченіе ночи она опускается болѣе, чѣмъ на сто градусовъ ниже нуля. Отъ такихъ переměнъ температуры разрушаются даже скалы, тѣмъ менѣе конечно ихъ могутъ выносить какіе-бы

то ни было организмы. Несомнѣнно, что на поверхности луны въ настоящее время нѣтъ жизни, нѣкоторые говорятъ, что такая жизнь скрыта въ ея глубинахъ, но это—совершенно фантастическое, ничѣмъ не оправдываемое и много имѣющее противъ себя предположеніе. Могла ли быть на лунѣ жизнь въ прошедшемъ? Гипотезы предложенныя относительно того, какъ она приобрѣла свой настоящій видъ и свѣе настоящее движеніе (гипотеза Фая, объясняющая происхожденіе лунныхъ горъ и имѣющихся въ нихъ углубленій) устраняють возможность и этого предположенія.

Ближайшею планетою къ землѣ является Венера не смотря на свой ослѣпительный блескъ, на свою близость къ солнцу и плотную атмосферу, она представляетъ не болѣе благоприятныхъ условій для обитаемости, чѣмъ и нашъ несчастный спутникъ. Большое наклоненіе ея оси вращенія (55°) сообщаетъ крайне суровый характеръ ея временамъ года. Умѣренные климаты тамъ неизвѣстны, потому что полярный кругъ ниспускается до 35° къ экватору, и жаркій поясъ въ свою очередь поднимается на столько же градусовъ къ полюсу. Тропическія области проникають тамъ въ области ледниковыя и наоборотъ. Перемѣны года происходятъ чрезвычайно быстро. Лѣта отличаются необыкновеннымъ жаромъ, который не вывели бы никакіе обитатели нашихъ экваторіальныхъ областей, и въ теченіе зимъ тамъ царствуетъ холодъ болѣе суровый, чѣмъ холодъ нашихъ полярныхъ странъ. Быстрыя смѣны жаръ и холодовъ должны производить на Венерѣ непрерывныя и страшныя бури, съ которыми совершенно несравнимы наши ураганы и смерчи. Но при такихъ условіяхъ на Венерѣ невозможна жизнь подобная земной.

За Венерой по направленію къ солнцу слѣдуетъ Меркурій. Скіапарелли послѣ восьмилѣтнихъ изслѣдованій установилъ, что Меркурій обращается вокругъ своей оси во столько же времени, во сколько и вокругъ солнца (87 нашихъ дней), т. е. что онъ обращенъ къ солнцу всегда одной стороной. Значитъ, на одной сторонѣ Меркурія вѣчный день, на другой—вѣчная ночь, на одной страшная жара, на другой—страшный холодъ. Но паука не знаетъ организмовъ, которые могли бы существовать при температурѣ выше 100° или ниже 0°.

Изъ внѣшнихъ планетъ (Меркурій и Венера находятся между солнцемъ и землею, ихъ орбиты находятся внутри земной орбиты, поэтому онѣ называются внутренними, планеты болѣе отдаленныя отъ солнца, чѣмъ земля, называются внѣшними) ближайшая къ землѣ есть Марсъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ похожъ на землю. Времена года у него такія же, какъ и на землѣ, наклоненіе оси къ эклиптикѣ почти тоже самое, продолжительность дней и ночей близко подходитъ къ нашей, атмосфера существуетъ несомнѣнно. Но годъ на Марсѣ почти въ два раза длиннѣе нашего. Вслѣдствіе большей отдаленности отъ солнца, чѣмъ земля, Марсъ получаетъ отъ центрального свѣтила лишь $\frac{1}{9}$ того тепла, которое получаетъ наша планета. Будучи значительно меньше земли, Марсъ по теоріи долженъ быть значительно болѣе охлажденъ, чѣмъ она. Доселѣ недостаточно выяснена причина красной окраски его континентовъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что это происходитъ отъ присутствія въ почвѣ въ большомъ количествѣ двуокиси желѣза. Но если это такъ, то, значить, жизнь на Марсѣ абсолютно отсутствуетъ: еслибы на Марсѣ была растительность, то она перевела бы двуокись желѣза въ двухъокись, имѣющую черную окраску. Но если нѣтъ растений, то нѣтъ и животныхъ.

Далѣе за Марсомъ слѣдуютъ астеронды—маленькіе мірки, вѣсъ которыхъ крайне ничтоженъ и которые крайне неустойчивы. Предположенія, что они обитаемы, обыкновенно не дѣлаютъ даже самыя ревностныя сторонники теоріи многочисленности обитаемыхъ міровъ. Но тѣмъ охотнѣе дѣлаютъ это предположеніе о двигающемся за астероидами Юпитерѣ—самой большой планетѣ солнечнаго міра. Онъ въ тысячу двѣсти разъ больше земли. Но при такой громадной величинѣ онъ имѣетъ очень малую плотность, его плотность немного больше плотности воды или, говоря иначе, въ пять разъ менѣе плотности земли. Астрономы вообще полагаютъ, что онъ еще не отвердѣлъ и что если онъ представляетъ собою не вполне жидкое тѣло, то по крайней мѣрѣ тѣстообразенъ. Многие заключаютъ, что онъ доселѣ еще окруженъ жидкою полураскаленною массою. Но если это такъ, то, конечно, жизнь на немъ невозможна въ настоящемъ. Говорятъ, что она возможна въ будущемъ. Юни-

теперь охладѣть, покроется твердою корою и растениями, и вмѣстѣ съ тѣмъ по немъ задвигаются животныя. Но, говоря это, упускаютъ изъ вида, что Юпитеръ отстоитъ отъ солнца въ пять разъ далѣе, чѣмъ земля, и что, слѣдовательно, теплота получаемая имъ чрезвычайно незначительна. Что же въ такомъ случаѣ можетъ оживить его застывшую поверхность?

Планеты, находящіяся далѣе за Юпитеромъ (Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ) представляютъ также мало благоприятныхъ условій для жизни, какъ и этотъ послѣдній. Сатурнъ по своему объему въ 700 разъ больше земли, но его масса отличается чрезвычайно ничтожною плотностію (меньшею, чѣмъ плотность воды) такъ, что большинство астрономовъ полагаетъ, что онъ находится въ состояніи газообразномъ. Но никто еще не видалъ и не знаетъ существъ, для жизни которыхъ довольно одной газообразной среды. Нѣкоторые изъ сторонниковъ многочисленности обитаемыхъ міровъ говорятъ, что жители Сатурна должны наслаждаться великолѣпнымъ видомъ восьми лунъ и колецъ Сатурна. Къ сожалѣнію они упускаютъ изъ вида, что этотъ великолѣпный видъ навсегда скрытъ отъ взоровъ сатурніанцевъ: Сатурнъ всегда покрытъ густыми облаками, скрывающими отъ насъ его поверхность, а отъ его проблематическихъ жителей видъ звѣзднаго неба.

Говорить объ обитаемости отдаленнѣйшихъ планетъ солнечной системы — Урана и Нептуна по меньшей мѣрѣ странно. Ихъ плотность такъ ничтожна, что астрономы вообще полагаютъ, что они суть тѣла газообразныя. Количество тепла, получаемого ими отъ солнца, вслѣдствіе ихъ отдаленности, крайне ничтожно. Времена года на нихъ крайне продолжительны (Уранъ обращается вокругъ солнца въ 84 земныхъ года, Нептунъ — въ 165).

Нептунъ — самая отдаленная планета солнечнаго міра и на всемъ протяженіи отъ этого крайняго пункта системы до центральнаго свѣтила мы встрѣчаемъ благоприятныя условія жизни лишь на одной землѣ. Не нужно удивляться этому: условія жизни сложны, многообразны и многія изъ нихъ независимы одни отъ другихъ. Удивительнѣе гораздо то, что это сложное и своеобразное сочетаніе условій все таки встрѣчается, чѣмъ то, что оно встрѣчается только одинъ разъ.

Но если и есть міры, на которыхъ имѣются всѣ благопріятныя условія для развитія жизни, то слѣдуетъ ли отсюда, что на нихъ и есть жизнь? На этотъ вопросъ должно отвѣчать отрицательнымъ образомъ. Жизнь не есть необходимое слѣдствіе сочетанія молекулъ и комбинаціи атомовъ. Между существомъ живымъ и бытіемъ мертвымъ есть существенное различіе, котораго химія не можетъ опредѣлить, потому что элементарный составъ организма не измѣняется послѣ смерти. Есть принципъ высшій, чѣмъ матерія, и матерія—сама по себѣ одна—никогда не произведетъ жизни. Вотъ, почему недостаточно того, что астрономія намъ покажетъ міры, на которыхъ осуществлены всѣ климатическія и метеорологическія условія нужны для жизни, чтобы признать эти міры обитаемыми. Они все таки будутъ необитаемы, если Творецъ не произнесъ своего творческаго „да будетъ“. Матерія не производитъ жизни точно также, какъ мозговья функція не рождаетъ мысли. Поэтому мы никогда не узнаемъ, живутъ ли на звѣздахъ—даже и способныхъ къ обитанію—существа разумныя, если особое откровеніе не возвѣститъ намъ объ этомъ, ибо долженствующее призвать ихъ къ жизни „да будетъ“ есть свободное дѣяніе Всемогущаго.

Но современная наука не знаетъ не только обитаемыхъ міровъ, но и міровъ способныхъ къ обитанію. Отсюда однако не слѣдуетъ, что ихъ и не существуетъ. Наука не можетъ ни признавать, ни отрицать ихъ существованія. Не предрѣшаетъ ли вопросъ объ обитаемости міровъ религія. Говорятъ, что догматъ воплощенія Сына Божія на землѣ не можетъ быть согласованъ съ ученіемъ о многочисленности обитаемыхъ міровъ. Это утвержденіе должно признать несостоятельнымъ. Богъ воплотился между нами, это—истина. Но какое отношеніе имѣетъ это воплощеніе къ другимъ мірамъ, мы не знаемъ этого. Ихъ обитатели, если они существуютъ, были ли созданы въ томъ состояніи, которое Богословіе называетъ состояніемъ чистой природы, или они были созданы съ природой неповрежденной? Приготовляются ли они насгоящую жизнью для міра сверхчувственнаго? Сохранили ли они первоначальную невинность или пали и въ послѣднемъ случаѣ Богъ простилъ ли ихъ и какъ? Открыта ли имъ тайна воплощенія и вмѣнены ли имъ плоды великой голгоеской жертвы? Или они остав-

лены безъ надежды на прощеніе жертвами Божественнаго правосудія все равно, какъ павшіе ангелы? Ни одного изъ этихъ вопросовъ человекъ никогда не рѣшитъ своими силами. Астрономія никогда не дастъ на нихъ отвѣта, откровеніе молчитъ о нихъ, Высочайшій сохраняетъ ихъ въ тайнѣ. Когда явится свѣтъ будущаго вѣка, когда мы будемъ созерцать Бога лицомъ къ лицу, когда истина безъ покрововъ явится нашей восхищенной душѣ, тогда предъ вами откроются эти тайны.

Ну а теперь? Целзя ли пайдти въ св. Писаніи и преданіи какихъ-нибудь указаній на это ученіе о многочисленности обитаемыхъ міровъ, которое такъ волнуетъ умы въ нашу эпоху? Конечно, мы не претендуемъ на то, чтобы утверждать, что объ этой многочисленности учить Евангеліе, но мы склонны думать, что многія страницы богодухновеннаго текста хорошо согласуются съ нею. Господь сказалъ: „есть у меня и другія овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“ (Іоан. X, 16). Древній экзегезисъ прилагалъ эти слова къ призванію язычниковъ, которые должны были соединиться съ оставшимися въ церкви іудеями; но новые богословы примѣняютъ ихъ къ населенію звѣздъ, для которыхъ, равно какъ и для земли, Христосъ является царемъ. Воплотившееся Слово сравнивается съ добрымъ пастыремъ, который для того, чтобы спасти заблудившуюся овцу, оставляетъ прочихъ девяносто девять на горахъ. отправляется за несчастною заблудившеюся и, когда наконецъ находитъ ее, беретъ ее къ собѣ на плечи, чтобы избавить отъ трудностей обратнаго пути. „Такъ, сказалъ объ этомъ Господь, на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“ (Лук. XV, 7. Ср. предыд. и Мѡ. XVIII, 12). Папа Григорій понималъ подъ девяносто девятью овцами покинутыми на горахъ ради спасенія одной безчисленное множество ангеловъ, которые не имѣли нужды въ искупленіи, потому что пребыли въ благодати. Сынъ Божій оставляетъ ихъ на ихъ вѣчныхъ высотахъ и нисходитъ въ эту долину скорбей, чтобы найти здѣсь человечество, заблудившееся на пути къ гибели. Онъ беретъ

его на свои плечи чрезъ воплощеніе и возводитъ его на небо чрезъ свою кровавую жертву и славное вознесеніе. Это объясненіе прекрасно, но нельзя ли такъ же, какъ дѣлаетъ это современная апологетика, понимать подъ девяносто-девятью овцами всѣ звѣздныя человѣчества, для которыхъ Божественное Слово не воплощалось, можетъ быть потому что они не пали. Но оно снизошло на нашу бѣдную землю—этотъ незамѣтный шаръ, затерявшійся въ неизмѣримомъ пространствѣ, для того, чтобы влить новую кровь въ вены несчастнаго потомства Адама.

Господь говоритъ еще: „въ домѣ отца Моего обителей много“ (Іоан. XIV, 2). Имѣлъ ли Онъ сказать этимъ, какъ вѣрили древніе, только то, что избранные на небѣ будутъ имѣть различныя степени славы сообразно съ степенью заслугъ каждаго изъ нихъ? Или онъ желалъ намъ внушить, что эта земля, которую Онъ имѣлъ оставить, чтобы взойти ко Отцу, есть только одно изъ многочисленныхъ жилищъ созданныхъ Богомъ для разумныхъ существъ призванныхъ къ жизни, хвалебныя пѣсни которыхъ во славу Высочайшаго звучать на тысячахъ міровъ, вращающихся вокругъ отдаленнѣйшихъ солнцъ. Точно также, когда св. Павелъ на своемъ блестящемъ языкѣ учитъ насъ, что Богу Отцу угодно все возстановить во Іисусѣ Христѣ, не только то, что землѣ, но и то, что на небесахъ (Ефес. 1, 10, Колос. 1, 20), не хочетъ ли онъ показать намъ, что благодѣянія искупленія, совершавшагося здѣсь внизу, можетъ быть распространятся далеко за предѣлы нашего маленькаго міра?

Мы не настаиваемъ на томъ, что приведенные тексты—несомнѣнно—содержать указанія на многочисленность обитаемыхъ міровъ. Мы не утверждаемъ этого. Но мы думаемъ, что еслибы справедливость ученія объ этой многочисленности была когда-нибудь дѣйствительно доказана, то, не представляя собою ничего противнаго вѣрѣ и откровенію, это ученіе дало бы полную возможность истолковать приведенные тексты въ представленномъ широкомъ смыслѣ.

Не оказалось бы ученіе о многочисленности обитаемыхъ міровъ въ несогласіи и съ духомъ и буквою святоотеческихъ писаній. Во многихъ изъ нихъ говорится, что кромѣ хоровъ ангельскихъ, о которыхъ учитъ св. Писаніе, существуютъ еще небеса другихъ созданій, о которыхъ Писаніе

не говорить ничего и самое имя которыхъ намъ неизвѣстно, хотя число ихъ неизмѣримо. Такъ у св. Іоанна Златоуста въ одной изъ его бесѣдъ говорится: „ангелы, архангелы, престолы, начала, власти и господства — не единственные обитатели небесъ, кромѣ нихъ существуютъ еще неисчислимыя націи, имя которыхъ намъ неизвѣстно“ (*ὧν οὐδὲ τι ὀνόματα ἴσμεν*)¹⁾. Онъ высказываетъ этотъ взглядъ во многихъ мѣстахъ своихъ твореній. Тоже самое говорятъ Θεодоритъ (въ толкованіи на посланіе къ Ефесянамъ), Θεοφιλάктъ, Оригенъ и Діонисій Ареопагитъ. Многіе изъ другихъ церковныхъ писателей держались того же мнѣнія. Всѣ они держались убѣжденія, что ангельское воинство не ограничивается девятью извѣстными кругами. Многіе изъ нихъ, несомнѣнно, были убѣждены, что ангелы не были духами безусловно лишенными матеріальнаго начала, и что они имѣли тѣло только болѣе тонкое, чѣмъ наше. Но, конечно, ихъ словамъ нельзя придавать того значенія, что они думали, что предполагаемая ими разумныя существа жили на звѣздахъ. Нужно полагать, что они считали ихъ ангелами и помѣщали вмѣстѣ съ послѣдними. Но вотъ что замѣчательно. Св. Василій В., перечисляя существа, которыя могли жить до образованія нашего міра, говорить не объ однихъ только ангелахъ и всемъ небесномъ воинствѣ, но еще и о нныхъ разумныхъ созданіяхъ, которыя можетъ быть жили въ свѣтѣ и блаженствѣ²⁾. Оригенъ выражается еще болѣе ясно. Онъ прямо говоритъ въ *περὶ ἀρχῶν* о множествѣ обитаемыхъ міровъ. Только онъ не считаетъ ихъ совмѣстно существующими, а предполагаетъ, что Богъ творилъ ихъ послѣдовательно: одинъ послѣ уничтоженія другаго. Онъ держался этого мнѣнія, потому что думалъ, что нельзя представить творца безъ тварей, и онъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что мысль о послѣдовательномъ возникновеніи и уничтоженіи міровъ не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ догматомъ искупленія.

Но онъ держался еще и другаго, представляющагося въ

1) *Ἄλλ' οὐχ' οἷτοι μοῖσι οἱ δῆμοι ἐν τοῖς οὐρανοῖς, ἀλλ' ἀπειρα ἔθνη, καὶ φῶλα ἀμέθρητα. ἕκαστ' λόγος οἰδίς παραστήσασθαι δοθήσεται.* (Homil. IV De Incorrupt. I. 7. Orat. 3 ὀνόματα ἀνομαεος, Hom. 3 ad Ephes.).

2) *Ὅτε γὰρ α' τ' Ἀγγελῶν ἄξιαι, ὅτι αἱ ἐπορευτοὶ στραταὶ οἷτε ὄως εἰ τι ἐστὶν... τῶν λογικῶν φύσεων* (Homil. 11 in Hexaem. cap. 5).

настоящее время крайне страннымъ, ученія. Онъ считалъ звѣзды живыми, одушевленными существами. Онъ слѣдовалъ въ этомъ „Тимею“ Платона, и въ его твореніяхъ мы часто встрѣчаемъ разсужденія о душѣ солнца и звѣздъ. Онъ спрашиваетъ—разумны ли ихъ души, существовали ли онѣ ранѣе тѣхъ блестящихъ сферъ, съ которыми соединились теперь, способны ли онѣ грѣшить, умеръ ли Сынъ Божій и за нихъ и что станетъ съ ними въ день послѣдняго суда ³⁾? Церковная литература первыхъ вѣковъ показываетъ, что эти вопросы занимали не его одного. Бл. Августинъ ихъ часто повторяетъ въ своихъ твореніяхъ. Въ своемъ „буквальномъ толкованіи кн. Бытія“ онъ еще не рѣшается высказать относительно ихъ окончательное сужденіе и обѣщаетъ сдѣлать это въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ на писаніе. Въ XIII книгѣ своего сочиненія „о царствѣ Божіемъ“ (гл. 16, № 2) онъ повидимому склоняется къ отрицательному отвѣту, но въ „Энхиридионѣ“ (Enchiridion, cap. 58) онъ говоритъ слѣдующее: я не знаю, чѣмъ различаются ангелы, архангелы, господства и силы, я не знаю также, „нужно ли помѣщать въ ихъ рядъ небесные духи—солнце, луну и звѣзды“. Исидоръ Севильскій въ вопросахъ объ одушевленности звѣздъ склонялся къ положительному отвѣту. Но замѣчательно, что, давая на вопросъ и положительные и отрицательные отвѣты, церковные писатели никогда не говорили, что то или другое рѣшеніе его стоитъ въ противорѣчій съ ученіемъ вѣры. Они допускали распространеніе жизни во вселенной гораздо болѣе въ широкихъ размѣрахъ, чѣмъ современные ученые, говорящіе, что во вселенной всюду царствуетъ жизнь, и однако они не находили въ откровеніи ничего несогласнаго съ ихъ мнѣніями, и Церковь не осуждаетъ ихъ взглядовъ.

Отцы и учителя Церкви, полагая вообще, что число обитателей земли чрезвычайно ничтожно по сравненію съ числомъ всѣхъ обитателей неба, никогда не затруднялись вопросомъ, почему же Сынъ Божій воплотился на землѣ? Но современнымъ мыслителямъ представляется, что мысль о

³⁾ С. 7. Περὶ ἀρχῶν Lib. 1 cap. VIII. et Lib. III. cap. V. n° 4, Lib. II. c. 8, n° 3. Item. Contra Celsum. Lib. V, n^{is} 11. 12 et Lib. IV. καὶ οἱ οὐρανοὶ ἀστέρες ὅσα εἰσα λογικὰ καὶ ἐροῦσθησαν τῷ γοτὶ τῆς γλώσσης ἐκ τῆς σωφίας, ἢ τίς ἐστὶν ἀπύρασμα φωτὸς ἄιδιον.

ничтожности земли не можетъ быть согласована съ ученіемъ, что Самъ Сынъ Божій родился, жилъ и страдалъ на этой ничтожной песчинкѣ міра. Они обнаруживаютъ этимъ, что имѣютъ чрезвычайно недостойное попятіе о Божествѣ. Догматъ воплощенія не заключаетъ въ себѣ мысли, что Богъ сталъ Богомъ лишь для одного человѣка. Откровеніе учитъ насъ, что существуютъ безчисленныя мириады разумныхъ созданій, блаженныхъ духовъ, которымъ Богъ открывается неизрѣчнымъ образомъ, допуская ихъ до блаженнаго восхищенія Его созерцаніемъ. Обитателямъ нашей земли Богъ явилъ такія свидѣтельства Своей благодати и любви, о возможности или вѣроятности которыхъ нашъ слабый разумъ не осмѣливался и помыслить. Если другіе небесные шары точно также представляютъ собою жилища для интеллектуальной жизни, въ чемъ бы хотѣло убѣдить насъ наше сердце, то Богъ могъ проявить на нихъ Свое милосердіе, Свою благодать, Свою любовь безконечно разнообразными способами, которыхъ наше воображеніе не можетъ представить. Если дѣятельность Его въ мірѣ физическомъ превосходитъ всѣ наши вычисленія, то бездны Его сердца не менѣе неизмѣримы, онѣ заключаютъ въ себѣ глубочайшія тайны и неистощимыя богатства непостижимой любви.

Безконечно великое можетъ проявиться въ безконечно маломъ. Безконечныя милосердіе, правосудіе и любовь Божіи проявились въ воплощенія на землѣ Сына Божія. Кто знаетъ — можетъ быть жители другихъ міровъ имѣютъ откровеніе объ этой тайнѣ воплощенія, и наша маленькая земля вслѣдствіе этого не кажется уже имъ ничтожною. Можетъ быть голгоеская жертва принесла богатые плоды и для нихъ? Ибѣтъ ничего неразумнаго въ такомъ предположеніи. Мы видимъ, что между всѣми мірами существуетъ физическая связь. Они связаны взаимнымъ притяженіемъ. Но можетъ быть между обитателями міровъ есть еще связь нравственная. Тогда всякій нравственный фактъ, гдѣ бы онъ ни совершился, имѣетъ значеніе для всѣхъ разумно-нравственныхъ существъ вселенной, и плоды голгоеской жертвы могутъ быть безконечно велики не для однихъ ничтожныхъ обитателей ничтожной планеты, но и для высоко-разумныхъ жителей какихъ-либо великихъ міровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.